

Белый медведь... За девять лет полевой работы на Чукотке мне неоднократно приходилось встречаться с этим крупнейшим хищником. Но на материковом побережье наши встречи были мимолетны. Приходилось довольствоваться рассказами чукотских и эскимосских охотников, чтением книг и статей С.М.Успенского, С.Е.Беликова, В.Я.Паровщикова. Но большинство литературных сведений носило явно фрагментарный характер. Информация о жизни белого медведя чаще всего добывалась косвенным путем — через мечение, авиаучеты, тропление следов, осмотр снежных берлог. А до запрета на отстрел в 1956 году — и посредством обследования убитых животных.

Жадно внимая рассказам чукчей и эскимосов, я постепенно выяснил, что и этим источникам не всегда можно доверять. Если общая канва события в них описывается достаточно точно, то интерпретация намерений зверя и его последующих действий часто мифологична по своей сути, так как основывается на преданиях, передаваемых из поколения в поколение. Я столкнулся с этим во время изучения моржей на восточной Чукотке, когда некоторые события, происходившие на лежбище или во время охоты на моржей, получали невероятное объяснение в устах местных жителей. Кстати, последнее относится и к рассказам летчиков, полярников, не говоря уж о знаменитой

«травле» моряков Севморпути. Ричард Перри в своей книге «Мир белого медведя», переведенной на русский язык в 1974 году, сделал попытку объединить все имеющиеся сведения о жизни этого зверя. В результате книгу с полным правом можно назвать энциклопедией легенд и мифов о белом медведе, так как в ней преобладают сведения именно такого рода.

По крохам собирая информацию, я вдруг обнаружил, что цельного представления о белом медведе у меня не складывается. Никто из наблюдателей и исследователей не пытался проникнуть в психологию зверя, ограничиваясь внешней стороной его жизни. Конечно, сделать это было непросто, ведь только в последние годы численность белых медведей стала возрастать. Еще 10 — 15 лет назад они находились на грани исчезновения, даже встреча с медведем была редкостью, не говоря о длительных наблюдениях за ним. Препятствовал этому и бродячий образ жизни белого медведя. Однако есть в Арктике уголки, где эти звери настолько обычны, что целые периоды их жизни проходят перед глазами наблюдателей. Одно из таких мест — остров Врангеля.

Мне повезло. Начав работу на острове Врангеля в 1989 году, я сразу обнаружил, что у белых медведей есть свои излюбленные участки побережья, где в осеннее время они появляются довольно часто. Самыми привлекательными для них оказались бухта Сомнительная и мыс Блоссом — места береговых лежбищ моржей. И хотя к этому времени моржи не выходили на берега острова уже почти 10 лет, скопище останков этих морских гигантов, погибших в годы существования лежбища, до сих пор служило приманкой для медведей. В сентябре 1989 года на оконечности мыса Блоссом я насчитал более 600 моржовых скелетов. Около десятка медведей регулярно — между удачными охотами во льдах на нерпу — подкармливались рассохшимися шкурами и остатками мяса.

На 1989 — 1991 года пришелся пик солнечной активности, и впервые за многие годы остров Врангеля освободился от сплоченных льдов, кольцо которых не размыкалось в предыдущее холодное десятилетие. В конце августа 1990 года кромка льдов находилась уже в 250 километрах к северу от острова. Теперь моржи не могли устраивать залежки на льдинах и образовали лежбища на традиционных участках побережья. На четырех лежбищах острова их собралось более 130 тысяч — половина всей популяции тихоокеанского подвида.

Для белых медведей отсутствие льдов — ситуация не из приятных. Лишенные возможности охотиться на привычную добычу — кольчатую нерпу, они скопились вблизи моржовых лежбищ. Только на мысе Блоссом в течение сентября и октября устроились

на жительство 150 медведей! Кого среди них не было: матерые великаны самцы, подростки, лишь недавно начавшие самостоятельную жизнь, заботливые матери с медвежатами-сеголетками... Но, конечно, более всего было беременных самок, ожидающих осенних снегопадов, чтобы устроить родовые берлоги на склонах прибрежных сопок и залечь на всю долгую полярную зиму.

Сначала вчетвером, а затем и вдвоем с инспектором охраны заповедника Игорем Олейниковым мы полтора месяца провели на мысе Блоссом. Нам довелось увидеть взаимоотношения медведей друг с другом, конкуренцию из-за пищи, игры и драки, и, наконец, охоту на моржей. Некоторых зверей мы научились узнавать в «лицо», самые выдающиеся личности получили имена — и благодаря этому начали раскрываться индивидуальные и типичные черты характера белого медведя.

Весной 1991 года я два месяца работал в западной части острова, отслеживая выход из берлог медведиц с недавно родившимися малышами. На участке в 120 квадратных километров нам удалось обнаружить более 30 берлог. Осенью того же года в течение месяца вместе с Игорем Олейниковым мы наблюдали за скоплением медведей на косе Сомнительной, где пролетевший над лежбищем самолет ледовой разведки посеял панику среди моржей, и те покинули берег, оставив после себя сотню раздавленных сородичей. Такое обилие пищи привлекло медведей со всей округи, и к началу ноября здесь «столовались» уже 77 зверей.

В августе и сентябре 1992 года во время маршрутов на моторной лодке вдоль южного и западного побережья острова мы встретили 252 медведя, причем на мысе Блоссом и косе Сомнительной постоянно находилось от 20 до 40 зверей. А в октябре вместе с Никитой Овсяниковым мы три недели провели на необитаемом островке Геральд, наблюдая за процессом залегания беременных медведиц по берлогам.

Все цифры и сроки работ я привел здесь лишь для того, чтобы читатели могли представить тот фундамент знаний и наблюдений, на основе которого я строю вывод: бесконфликтное сосуществование человека и белого медведя в Арктике возможно.

Да, конфликтов может не быть. И прежде всего это зависит от человека. Прочитав очерк В. Орлова, я заметил, что несчастные случаи происходят исключительно среди двух категорий людей, работающих на Севере, — полярников и военных. И я мог бы добавить еще несколько известных мне подобных происшествий. Почему-то не

испытывают проблем с белыми медведями опытные охотники, морские зверобои (то, что хищники поедают приманку из капканов или громят продуктовые склады, конечно же, нельзя всерьез рассматривать как проявление агрессии по отношению к человеку). Никогда не возникали трагические столкновения у исследователей, профессионально работающих с белым медведем, хотя встреч «нос к носу» со зверем у нас, например, ежегодно бывает более десятка-двух. На мысе Блоссом мы просто жили в окружении медведей, которые десятки раз на дню посещали окрестности нашего домика, заглядывали в окна, заходили в тамбур, но не было среди них злобных, кровожадных хищников, которые только и ждали случая закусить зазевавшимся зоологом. Оконные стекла, бывало, медведи ломали, но то не были попытки забраться в дом. Просто соблазнительные запахи готовящейся пищи заставляли зверей подходить к окнам и приняхиваться. Чуть сильнее надавил носом — и летят осколки. После того как мы отремонтировали ставни и стали закрывать их на ночь, подобные случаи прекратились, хотя время от времени по вечерам, делая за столом дневниковые записи, видели, как в широкую щель между досками ставни с шумным сопением пытается протиснуться мокрая черная бляшка медвежьего носа. Достаточно было постучать по стеклу костяшками пальцев, чтобы отпугнуть любопытствующего. Поэтому кажутся чистой выдумкой слова пограничника из очерка В.Орлова о том, что медведь, заглянувший в окно дома на Земле Александры, обязательно навредил бы людям, если бы не автоматная очередь...

Если зверь приходит к человеческому жилищу, это совершенно не значит, что его цель кого-нибудь убить и съесть. Чаще всего им движет любопытство, и многие звери, удовлетворив его, просто уходят. Но если в поселке или на полярной станции царствует антисанитария, кругом помои и пищевые отходы, то нет ничего удивительного в том, что отдельные особи приживаются здесь и выстрел из ракетницы не может заставить их покинуть роскошный «ресторан». Не так уж богаты просторы Ледовитого океана легкой доступной добычей, чтобы отказаться от дармовой пищи. Небрежное хранение отходов — характерная черта многих арктических поселков, особенно военных. Далеко за примером ходить не надо: расположение частей ПВО на острове Врангеля — прекрасный образец экологической безграмотности. Гора отходов с солдатского стола, выставленная как будто специально для привлечения проголодавшихся медведей, — неотъемлемая часть окружающего пейзажа. Естественно, что каждую осень несколько медведей устраиваются там на «постоянное жительство» до полного замерзания моря. Нередко можно было видеть, как медведи и собаки дружной компанией уплетают за обе щеки, расположившись на помойной куче и не слишком обращая друг на друга внимание. Результат налицо — постоянные жалобы на агрессивность хищников (при этом под агрессивным поведением понимается просто появление медведя в расположении части), трата времени на устройство облавы — другим способом прогнать прикормившегося зверя почти невозможно... Несчастный случай не заставил себя ждать. В ноябре 1990 года один из солдат, выйдя на крыльцо казармы, попал в лапы крупному медведю. Перед этим, по признанию самих военнослужащих, зверя часто подкармливали чуть ли не из рук, фотографировались рядом с ним. Солдат отделался порванным ухом, царапинами на голове и сильным испугом. Зверь ушел с ранением в голову.

В сентябре 1992 года эту часть расформировали — и слава Богу! Однако помойка осталась...

Живя на мысе Блоссом и в бухте Сомнительной, мы просто не создавали ситуаций, при которых медведь мог бы быть опасен. Готовили немного еды и все съедали, а если и оставались какие-то отходы, то их тут же сжигали в печке. Зверям просто нечем было поживиться, в их лобастых головах наше жилье совершенно не ассоциировалось с возможностью перекусить.

Я не случайно выделил полярников и военных как группы «повышенного риска»: это люди, как правило, временные в Арктике и совершенно не подготовленные к жизни в окружении дикой природы. Тем более что, постоянно меняя станцию за станцией, они каждый раз оказываются в новых для себя природных условиях. Тикси, Диксон, Уэлен, Певек, Амбарчик — все это Север, но такой разный!

Еще одна черта, объединяющая эти группы, — сидячий образ жизни. Редко кто из полярников выходит дальше чем до метеоплощадки, у них просто не бывает времени на длительные походы. Очень немногие из них действительно интересуются природой.

Правильно оценить намерения того или иного медведя, верно интерпретировать его действия и в случае возникновения опасности избежать ее — очень непросто. Чтобы научиться этому, нам пришлось пронаблюдать десятки ситуаций. Оказалось, что даже при больших скоплениях медведей в одном месте и в условиях катастрофической нехватки пищи звери стараются избегать столкновений. Чаще всего, встречаясь, два медведя приостанавливаются на расстоянии 20 — 30 метров и, словно соблюдая некий ритуал приветствия, делают круг относительно друг друга, поочередно заходя на ветер и принимаясь к своему собрату. После этого каждый уходит в своем направлении, хотя иногда некрупные звери или самки с медвежатами пускаются в бегство, почуяв запах большого самца. По-видимому, каждый медведь обладает индивидуальным запахом, который служит ему своеобразной «визитной карточкой». Агрессивные отношения мы наблюдали лишь в случаях, когда на пищу, скажем выброшенный труп моржа, претендовали сразу несколько животных. Но и тогда дело ограничивалось лишь угрожающими позами и выпадами, после чего более слабый зверь уступал сильному. Если же встречались звери равного ранга, то после демонстрации угрозы они начинали насыщаться бок о бок, лишь изредка рыча и делая выпады, когда кто-нибудь из них пытался вырвать из зубов соседа самый лакомый кусок. Часто звери питались от одной

туши, совершенно не реагируя друг на друга. На мысе Блоссом, например, у трупа моржонка-сеголетка собралось как-то 28 зверей — от самок с медвежатами до крупных самцов. Рев, конечно, стоял на всю округу, медведи регулярно кидались друг на друга с разинутой пастью, но за 6 часов наблюдений я не отметил ни одного укуса! Все были голодны, и всем досталось хотя бы по куску.

Характерная поза угрожающего зверя — низко опущенная голова, вытянутая шея. Агрессивный выпад обычно резкий, короткий — в три-четыре шага, при этом пасть оскалена. Когда соперники находятся на близкой дистанции, вслед за выпадом следует имитация укуса в плечо, шею или голову. И если подвергшийся нападению медведь не собирается уступать, звери на долю секунды застывают в положении «пасть к пасти», лишь самую малость — два-три сантиметра — не касаясь друг друга клыками.

Однако агрессивные контакты медведей в обычных условиях — редкость. Звери соблюдают безопасную дистанцию, и если какой-нибудь медведь пытается ее нарушить, то его останавливают угрожающая поза и предупреждающее шипение. Шипят медведи совсем как кошки, только куда громче. Перевести шипение с медвежьего языка на человеческий можно примерно так: «Ты меня не задевай, и я тебя не трону».

Первым обратил внимание на агрессивное поведение белых медведей наш заместитель директора по науке и специалист по социобиологии хищников Никита Овсяников. За те две недели, что он провел с нами на мысе Блоссом, ему удалось разработать целую стратегию взаимоотношений с хищниками, используя характерные черты их поведения. Главный принцип этой стратегии — среди медведей вести себя по-медвежьи. С волками жить — по-волчьи выть, в данном случае — по-медвежьи шипеть. Это вовсе не шутка! Большинство блоссомских зверей почти наверняка никогда не встречались с человеком накоротке. В первые дни наших наблюдений медведи буквально сгорали от желания познакомиться с нами поближе. Они целыми компаниями толпились около дома, отдельные смельчаки подходили совсем близко и пытались нас обнюхать, в их глазах читалось явное любопытство. Чтобы избежать конфликтных ситуаций, необходимо было дать им понять, что мы можем быть опасны для них. А как доходчивей объяснить, если не на привычном для медведей языке? Первый же медведь, на которого зашипел Никита, позорно пустился наутек. С тех пор громкое шипение позволяло нам держать медведей на безопасной дистанции в большинстве случаев. Звери определенно стали воспринимать нас как необычайно уродливых медведей, которые при случае и укусят могут. В дальнейшем тактика совершенствовалась. Выяснилось, что наибольший эффект шипение дает в сочетании с резким выпадом на медведя в два-три шага, при этом зверь должен находиться не далее чем в 10 — 12 метрах. В 90 процентах случаев психика нормального медведя не выдерживала подобного стресса. Далее следовало закрепить наши достижения и занять

соответствующий высокий ранг среди блоссомских медведей, а также заставить их избегать приближаться к дому, так как некоторые звери устраивались на сон буквально в нескольких метрах от крыльца и жили здесь по два-три дня, невзирая на наше присутствие. Для этого каждого медведя, проявившего нездоровое любопытство к нашему жилищу — пытался ли он сломать ставень или зайти в тамбур, немедленно прогоняли, используя вышеописанную тактику в сочетании с хорошим ударом палки или тяжелого камня. Самое уязвимое место у белого медведя — шея. Меткое и сильное попадание в шею помогало зверю понять, что наши агрессивные выпады заканчиваются не только шипением, и надолго отбивало у него охоту подходить вплотную к дому или вступать с нами в какие-либо контакты. Запас камней и кирпичей стал неотъемлемой деталью нашего крыльца. Постепенно звери стали признавать нас самыми сильнейшими медведями в округе. Наш запах и вид вызывал у многих из них лишь воспоминание о трепке, которую они некогда получили. Связываться с нами никому не приходило в голову. Двухкилометровое расстояние до скопления останков погибших моржей, где с высоты стоявшего там маяка велись наблюдения за социальным поведением медведей, мы проходили без всякого оружия и даже без ракетниц, хотя там постоянно «паслись» от 30 до 70 зверей. Правда, для этого нам приходилось выбирать время, когда ветер дул от медведей, чтобы не распугать их своим запахом. Передвигались мы очень медленно и осторожно, не делая резких движений. И все же иной раз какой-нибудь из медведей, заметив нас, в панике убегал, своим видом настораживая и спугивая спящих и перебирающих моржовые кости собратьев. В такие моменты коса становилась похожей на заваленный хлебными крошками кухонный стол, с которого при внезапно включенной лампе разбегаются тараканы. Звери сходили в воду, уплывали подальше от опасного места, и мы по несколько часов неподвижно сидели на маяке, дожидаясь их возвращения.

Тем не менее на всякий случай у нас были при себе увесистые палки, которые дважды все-такигодились. Я, например, предпочитал носить с собой весло полутораметровой длины. Среди блоссомских медведей было несколько личностей, не слишком склонных признавать наше привилегированное положение. Например, два громадных самца, которых мы называли Грэндфазэ и Корифан. Они, несомненно, занимали высшие ступени в медвежьей иерархии. Я несколько раз наблюдал, как медведи меньших размеров просто убегали при встрече с кем-либо из них. Этих гигантов иногда искушал соблазн помериться с нами силами, особенно Грэндфазэ, матерого зверя, своим телосложением напоминающего небольшого слона. Он несколько раз пытался выяснить отношения прямо у крыльца, и в каждом случае нам снова и снова приходилось доказывать свое превосходство. Кроме того, в исключительных обстоятельствах могут проявить агрессию и те звери, которые обыкновенно избегают столкновений. После неприятного инцидента с самкой, у которой от истощения погиб медвежонок, мы решили носить с собой ракетницы. А однажды пришлось минут пять фехтовать веслом с крупным медведем, которого мы неосмотрительно отпугнули от выброшенного волнами свежего моржового трупа. Заканчивался октябрь, многие звери на мысе Блоссом голодали, и этот медведь, хоть и начал уходить при нашем приближении, все же развернулся и с рычанием стал защищать свой обед. Копирование

медвежьих повадок на этот раз не помогло, как и весло, которое только удерживало зверя на расстоянии в 1,5 — 2 метра. Разрешить конфликт удалось лишь выстрелом из ракетницы. Но даже после чувствительного удара в шею зверь отбежал всего на 30 — 40 метров, и нам пришлось повернуть к дому, причем медведь, придерживаясь той же дистанции, с ворчанием сопровождал нас до моржового трупя, от которого мы его отогнали.

Кстати, о ракетнице. Это, конечно, не панацея от медведей, но и пренебрегать ею не стоит. Совершенно непонятны мне слова начальника полярной станции на острове Голомянный, которые приводит В.Орлов: «А что с ней против медведя сделаешь, какой от нее толк?» Естественно, если пулять из ракетницы в светлое время метров со ста, толку от нее мало. Хотя наиболее осторожные медведи уходят и при таком намеке на опасность, в целом же горение ракеты при свете дня не слишком их пугает. Но выстрел в упор в упомянутом мною случае скорее всего был воспринят медведем как сильный удар или укус и решил исход дела... Плохо, если ракеты пускают много и беспорядочно. Зверь быстро осознает безопасность и перестает обращать на них внимание. Наибольшим эффектом обладают ночные выстрелы, когда ракета падает и загорается перед носом у медведя. Такие фейерверки в ночной темноте действуют почти безотказно. Еще лучше — фальшфейер или факел. Однажды мне пришлось сунуть факел в морду медведю, пытавшемуся сломать дверь в тамбур.

Медведи плохо видят в темноте, и попытка отогнать криками или выстрелами зачастую только привлекает их внимание. Как-то ночью на мысе Блоссом наш дом в очередной раз удостоил посещением Грэндфазз. Мы пробовали испугать его, подражая агрессивному поведению медведей, но на сей раз наше шипение лишь возбуждало любопытство зверя. Он никак не мог понять, кто же шипит на него, тем более что мы стояли с подветренной стороны и наш запах уловить он не мог. Грэндфазз шипел нам в ответ и медленно приближался, пока между нами не осталось каких-то 4 — 5 метров. И только метко запущенная в медвежье плечо чугунная утятница, случайно попавшаяся под руку Игорю Олейникову, заставила его с достоинством удалиться.

Во время работы в тундре мы использовали, кроме упомянутых, и некоторые другие приемы, позволяющие избежать конфликтов с белым медведем. Если близкая встреча с ним не входит в наши планы, имеет смысл идти с наветренной стороны по отношению к зверю. Почувывший человеческий запах медведь скорее всего постарается ретироваться. Если есть палка, неплохо поднять ее повыше, например, оперев на плечо. Ведь стоящий человек воспринимается четвероногим хищником как существо, превосходящее его ростом, а следовательно, есть вероятность, что и более сильное. Поднятая палка как бы увеличивает рост человека — в восприятии медведя. Наверное, мои рассуждения выглядят непривычно. Однако факт есть факт — медведи часто пускаются в бегство,

если поднять вверх палку.

Порой, когда мы пускали в ход шипение и выпады, убегающий медведь останавливался в нескольких десятках метров и, как будто засомневшись в нашей силе, возвращался. Второй раз испугать его было труднее. Поэтому я применял тактику «задавливания»: обратив медведя в бегство своим «агрессивным» поведением, пускался за ним вдогонку. Когда зверь оборачивался и видел, что его продолжают преследовать, он отбрасывал всякие сомнения и давал ходу, иной раз на целый километр. Вообще, белые медведи порой напоминают городских хулиганов — если идти на них и не бояться, то вряд ли тронут. Но что несомненно: если зверь чувствует, что его боятся, он может напасть. Громкие нервные человеческие голоса для медведя — индикатор страха. Суетливые движения только вселят в хищника уверенность. Бегство от белого медведя — лучший способ распрощаться с жизнью, особенно если рядом нет надежного укрытия. Погнаться за убегающим заставит медведя не голод, а инстинкт хищника, который четко знает, что тот, кто испугался и побежал, — добыча. Этот же инстинкт толкает собак хватать бегущего человека за ноги.

Ни в коем случае не следует принимать наш опыт взаимоотношений с белыми медведями за рекомендации по отгону хищников, прикормившихся в поселках и на полярных станциях. Ведь наши цели были иными — мы изучали медведей, и без непосредственного контакта с ними обойтись было невозможно. Если бы существовала иная методика наблюдений, совершенно безопасная, никто из нас не стал бы проводить подобные эксперименты. Поэтому не советую кому-либо ради эффектного снимка, острых ощущений или просто любопытства соваться вплотную к медведю, если этого можно избежать. Но когда другого выхода нет, попробуйте предпринять что-нибудь из нашего арсенала.

Сейчас, невзирая на «краснокнижное» положение белого медведя, коммерциализация страны заставляет многих преступать закон. На Чукотке отстреливается практически каждый зверь, появившийся в зоне внимания охотников. Моряки, выполняющие роль скупщиков, предлагают за шкуру до 170 тысяч рублей («чернорыночная» скупочная цена на август 1992 года), а иногда и валюту. Перед таким соблазном трудно устоять, тем более что природоохранные органы совершенно беспомощны, по крайней мере, на Чукотке. Можно себе представить, как развернется промысел белого медведя, если разрешить отстрел. А ведь, несмотря на то, что в целом состояние мировой популяции, по-видимому, улучшается, белый медведь до сих пор остается легко уязвимым видом. Еще не разработана надежная методика определения численности. Любая количественная оценка вида очень приблизительна и субъективна. Никто из ученых толком не знает, сколько медведей бродит по льдам Арктики и как проследить изменение их количества. Разрешение на отстрел даже ограниченного числа зверей

может свести на нет все результаты их охраны на протяжении последних 30 с лишним лет.

Решение проблемы «белый медведь и человек» состоит не в отстреле животных. В первую очередь необходимо задуматься, оправдано ли такое количество поселков, полярных станций и тем более присутствие войсковых частей в высокоширотной Арктике. Необходимость полярных станций я не оспариваю. Однако надо заметить, что существующая система их расположения, комплектования штатов и оборудования практически не менялась со времен Главсевморпути и не соответствует нынешним потребностям и техническому уровню. Чтобы не быть голословным, приведу мнение известного в Восточном секторе Арктики полярника с 25-летним стажем Ю.А.Соколова: техническое перевооружение станций, считает он, позволит значительно повысить их эффективность и при этом сократить до минимума штат работников. А главный инженер Певекгидромета, доктор географических наук В.Н.Купецкий утверждает, что маленькие станции вообще не оправдывают себя. За последние два года на Чукотке уже ликвидировано несколько небольших полярных станций. Думаю, что если специалисты поразмыслят, то придут к выводу о сокращении ряда полярных станций и в других районах Арктики.

О воинских формированиях можно с уверенностью сказать одно: их присутствие в Арктике совершенно неоправданно. Годы жизни на Чукотке позволили мне в достаточной мере наблюдать работу многочисленных погранзастав и частей ПВО и составить такое мнение. Я уж не говорю о стройбатах, пехоте и танковых частях.

О поселках специального разговора начинать не стоит. На страницах прессы регулярно появляются публикации о том, что существование значительного числа северных поселков и городов бессмысленно.

Чем больше людей в Арктике, тем больше возможностей для инцидентов с белыми медведями. Вот главная задача — изменить структуру северных поселений, исходя из современного технического уровня, и до необходимого минимума сократить число живущих здесь людей.

Я уже говорил, насколько важно обязательное соблюдение санитарных норм. Если же люди пренебрегают элементарной чистотой и как следствие своей безопасностью, то разве можно взваливать вину за происходящие трагические случаи на зверей?

О крайней необходимости пластиковых и резиновых пуль В.Орлов написал достаточно ясно. Просто злость берет при мысли о том, что некоторым компетентным лицам легче подставить под удар и человека, и медведя, чем наладить производство и поставку эффективных отпугивающих средств.

Сколько бы ни велись разговоры об экологии и охране природы, сущность человека, по-видимому, так и не изменилась. Люди признают право животных на существование, но лишь до тех пор, пока это не мешает их интересам. А когда дело касается человеческой жизни, они зачастую жаждут мести. Доводы разума тут не действуют. Никому не приходит в голову оглядеться по сторонам и осознать собственную вину в случившемся несчастье. И предотвратить следующую трагедию, не уничтожая хищника, а приведя свой образ жизни в соответствие с теми природными условиями, которые тебя окружают.

Вместо того чтобы стрелять в белого медведя, давайте достойно сосуществовать с ним.

Анатолий Кочнев